Беседа в Париже. Юрий Казаков и Борис Зайцев

Ю. Казаков. Ну вот, интересно, какие были и у вас, и у Ивана Алексеевича «Бунина. — Ред.» перспективы в жизии — на что вы надеялись, о чем вы думали? Все-таки жить здесь, вдали от родины, конечно, плохо... Я очень как-то понимаю, и мне больно думать о тех годах, которые вы провели здесь вдали от руссного народа... Какие в этом смысле были у вас настроения вообще?

Б. Зайцев. Вы знаете, произошла странная, собственно говоря, вещь, Почти все писатели старшей группы, за исключением Куприна и Бальмон-. та, которые были уж очень пьяные такие, остальные в эмиграции дали как раз наиболее зрелые свои произведения - конечно, связанные с Россцей, явно. С этим миром у нас инчего, собственно, общего нет. Вот я, например, живу свыше сорока лет во Франции, читаю я свободно по-французски, по говорить я по-французски очень плохо говорю и не решаюсь... Пустяки там вочне-нибудь спросить иногда, но чтобы что-нибудь рассказать - это я не берусь за это. Так, конечно, жили, собственно, Россией внутренцо, но не Россией революционной, нет, это нет. Это нам был чуждый мир, все-таки далекий, да.

Ю. Казаков. А вы не помните подробностей, связанных с присуждением Ивану Алексеевичу Нобелевской премия?

Б. Зайцев. Помню очень хорошо.

Ю. Казаков. Пожалуйста, расска-

Б. Зайцев. Вилите ли. Нобелевская премня - это не такая простая штука. Борьба за эту Побелевскую премию для Ивана шла годы. Так же, как она шла и для Шолохова - советское правительство много раз выставляло его кандидатуру подряд, отказывали, отказывали, а потом дали. Иван попал в другую полосу. В то время еще эмиграция русская здесь имела гораздо больший престиж, чем сейчас. Сейчас это не модно совершенно, а тогла все-таки да. И несколько раз кандидатура его выставлялась, но не проходила. Однако настал момент -это было в 33-м году, а он был в это время в Грассе, - когда ему присудили эту премию. И вот я знаю обстановку эту уж достоверно вполне жизнениую, пустяковую, собственно, так... Иван очень волновался в этот день - известен был день, когда присуждают премию. И он пошел с Галиной в синема. Лием, такой сеанс от четырех до семи что-нибудь... В Грассе, он в Грассе был в это время. Так. Вдруг телефонный звонок из Стокгольма, к ним, в Грасс. Трудно даже разобрать, далеко, Слушала Вера Бунина, но все-таки поняла, что вот ему присудили премию. Зурова отправили, она отправила в синема сказать Ивану. И вот Зуров... и какая-то прислуживавшая с фонариком искали, где Иван сидит, и наконец вот нашли. II ему сказали, что он получил Нобелевскую премию. Пу, он ушел сейчас же домой, а почт оч пришет домой, тут уже началось что то таког. К вечеру уже, Бог знает, набилось сколь-

ко разных корреспонлентов, знаете ли. интервьюеров... А Вера рассказывала потом моей жене: «Голубчик, а ты знаець, а нам и угостить нечем было!» Они жили, действительно, очень бедно, это верно. Иван Алексеевич был человек, конечно, очень такой стародворянской замашки: когда деньги есть, спускал мгновенно, а потом вот на бобах. Но вообще заработки, конечно, ничтожные были, это неудивительно. Ну вот. И начался такой туман какой-то славы, в Грассе, и потом он, значит, приехал сюда, в Нариж. Когла он сюда приехал, это уже тут эмиграция просто с ума сошла, в том числе и я. Нам это казапось... Вилите ли, что же - мы были какие-то последние люди там, эмигранты, п вдруг писателю-эмигранту (1) присудили международную премию, русскому (1) писателю. П присуници не за какиенибуль политические писания, а всетаки за художественное, да? Ну, вот я помню... Я в то время писал в газете «Возрождение», тогда «Возрождение выла газета - вот тут я вам покалывал журнал, но это позже газета перешла, после немцев, когда немцы закрыли газету, то послечих уже журнал, -- так мне экстренно поручили написать передовицу о получении Нобелевской премин. Это было очень поздно, я помню, что было десять часов вечера, когда мне это сообщили. Значит, в первый раз в жизни я поехал в типографию и ночью писал такую небольшую передовицу в «Возрои:дение», которая называлась что-то вроде не то «Победа Бунина», не то

«Побела эмиграции» — я уж хогошенько не помню. Писат в типографин. Эта типография около Place d'Italie, это дачеко очень отсюда, Я помню, что я вышел в таком возбужденном состоянии, вышел на РІзсе d'Italie и там. ·понимаете, обощел все бистро, и в каждом бистро выпивал по рюмке коньяку за здоровье Ивана Бунина... Hv. приехал домой в таком веселом настроенин духа, все-таки поздно, я думаю, часа в три ночи, в четыре, может быть... Да... И потом тут началосы Всяние банкеты, выступ ения, одно было даже немножко курьезно... Тут было такое одно общество. такое очень православное, которое тоже Ивана чествовало, и был митрополит Евлогий... Иу, значит, молебен, все... Было довольно много народу. И Иван к нему подошел и... Ну, когла подходят к митрополиту, обыкновенно так вот делают, он благословляет, гелуют руку. Но Иван почему-то так воодушевился, что он встал на колеии, встал на колени перед митрополигом... Это совершенно ни к чему, конечно, было, но такое какое-то было возбужденное состояние, что никто этого ничего... Там все хорошо было. да. А потом громадное собрание было B Theâtre des Champs-Elysees, II Tam уже русская эмиграция его чествовала. Ряд ораторов был, в том числе и я читал о нем такую статейку, заранее написанную. Все это было очень торжественно...

Публикация Т. М. СУДНИК и И. С. КУЗЬМИЧЕВА

Num. rayenta, -1000, - 25 marie (Note), -C. 4.